DOI: 10.17976/jpps/2019.06.07

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО ИСЛАМИЗМА

Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев

ГРИНИН Леонид Ефимович, доктор философских наук, главный научный сотрудник Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"; ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, email: leonid.grinin@gmail.com; **КОРОТАЕВ Андрей Витальевич,** доктор философии (Ph.D.), доктор исторических наук, профессор, зав. научно-учебной Лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"; профессор факультета глобальных процессов Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова, Москва, email: akorotayev@gmail.com

Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Политические аспекты современного исламизма. – Полис. Политические исследования. 2019. № 6. С. 81-94. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.07

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-03615.

Статья поступила в редакцию: 30.10.2018. Принята к публикации: 08.04.2019

Аннотация. В статье анализируется ряд политических аспектов современного исламизма. Авторы показывают, как ведет себя исламизм в оппозиции (где он чувствует себя увереннее) и что случается, когда исламисты приходят к власти легитимным путем. Исламизм – это не нечто поверхностное, а глубинная и всеобъемлющая субстанция исламских обществ, поэтому крайне важно различать радикальный и умеренный исламизм, опираться на последний для ослабления первого, поскольку именно умеренный исламизм может стать позитивной и перспективной частью политического спектра исламских стран. Уменьшить опасность радикального, террористического исламизма одной только силовой борьбой с ним невозможно. Можно надеяться, что он пойдет на убыль в случае, если удастся разделить его с умеренным исламизмом и сделать последний более респектабельным, открытым, вовлеченным в нормальную политическую жизнь.

Ключевые слова: исламизм, радикальный исламизм, умеренный исламизм, фундаментализм, Ближний Восток, исламские общества, политизированный ислам.

ВВЕДЕНИЕ

Понять современные исламские (особенно арабские) общества без учета влияния исламизма как одновременно идеологии, культурной среды, образа действий и образа жизни невозможно. Между тем по целому ряду причин для многих обозревателей Ближнего Востока в XX в. и первой декаде XXI столетия исламизм оставался "явлением, скрывающимся за поверхностью" [Osman 2016: xiii], а потому недостаточно понятым, одним из самых сложных социальных феноменов настоящего времени [Kepel 2000: 25].

Радикальный и террористический исламизм – печальная и жестокая реальность. Однако из внимания СМИ выпадает тот важнейший факт, что на самом деле радикальные исламисты составляют очень небольшую часть; существует исламизм умеренный, демократический и иной, колеблющийся от радикализма до вполне либеральных заявлений и политических действий [Kurzman 1998; Denoeux 2002; Ayoob 2009; Schwedler 2011; March 2015; Volpi, Stein 2015; Achilov 2015; 2016; Achilov, Sen 2017].

Исламизм многим представляется неким наростом на теле исламских обществ. На самом деле он во многом отражает их суть, образ мысли и жизни, создает особый путь к модернизации. *В мусульманском мире почти не осталось стран, где исламизм не превратился бы во влиятельный и устойчивый фактор внутренней и внешней политики.*

В настоящей статье мы остановимся на определении исламизма и затем сделаем акцент на анализе ряда его политических аспектов, показав, что исламизм – это глубинная субстанция исламских обществ. Мы опираемся на теорию модернизации, теорию депривации [см. Гринин 2017], современные теории революции [Goldstone 2001, 2011], теорию ресурсной мобилизации [Tilly 1978], которая, по определению С. Сандерсона [Sanderson 2010: 69], подходит ко всем главным формам коллективных акций или насильственных действий, а также теорию исламского возрождения [Хантингтон 2003] и теории политического ислама [Kepel 1987, 2000; Achilov 2016; Achilov, Sen 2017; Игнатенко 2004; Мирский 2015; Левин 2014; Царегородцева 2017 и др.] и постисламизма [Bayat 2013; Amin 2016] и др.

Определение исламизма

Исследователи единодушны в том, что нельзя ставить знак равенства между исламом и исламизмом, т.е. между религией и созданной на ее базе политической идеологией. Современный исламизм – это производное от ислама, сравнительно молодая политическая идеология (но с очень древними корнями), связанная с осознанием лидерства Запада и поставленным им перед мусульманскими обществами вызовом. А в последние десятилетия она связана с Исламским возрождением, особого рода модернизацией исламских обществ.

Кратко исламизм нередко определяют как "политизированный ислам" или "политический ислам" [Левин 2014: 4; Игнатенко 2004: 40; Achilov 2016: 252; Achilov, Sen 2017: 608], что удобно, но не полностью верно, так как исламизм – это и социальная идеология, образ жизни и действия.

Нередко в определениях исламизма упор делается на то, что исламизм – *радикальная* идеология (см., например [Мирский 2015: 4]). Это верно, но лишь применительно к радикальному исламизму. К последнему подходит такое определение: исламизм – это глобальный проект переустройства мира на началах учения пророка Мухаммада, план воплощения идеи провиденциальной избранности мусульман как спасителей человечества от разрушительных последствий секуляризма, национализма, глобализации [Левин 2014: 2].

Нельзя упускать из виду, что исламизм неоднороден, раздираем противоречиями, что едва ли не главными врагами радикальных исламистов являются не секуляристы, а умеренные исламисты [Osman 2016: 260]. В случае умеренного исламизма, стремящегося вписаться в общество, где многие институты носят светский характер, фундаментализм отходит на задний план. И нельзя не согласиться с С. Хантингтоном, что "исламский 'фундаментализм', который часто воспринимается как политический ислам, является всего лишь одной из составляющих в намного более всестороннем процессе возрождения исламских идей, обычаев и риторики, а также возвращения мусульманского населения к исламу. Исламское возрождение – это основное направление, а не только лишь экстремизм, всеобъемлющий, а не изолированный процесс" [Хантингтон 2003: 163].

Нам представляются более удачными следующие формулировки, учитывающие существование как радикального, так и умеренного исламизма:

1. Политическое движение, которое выступает за реорганизацию политической и социальной системы в соответствии с законами, установленными исламом[1].

2. Форма социального и политического активизма, основанная на идее, что общественная и политическая жизнь должна руководствоваться рядом исламских принципов. Иными словами, исламисты – это те, кто считает, что ислам должен играть важную роль в организации общества с мусульманским большинством, и стремится реализовать это убеждение [Poljarevic 2015].

В отношении приведенных определений очень важно иметь в виду, что самими же мусульманами такие понятия, как "установленные исламом законы" или "исламские принципы", могут пониматься по-разному. Кроме того, реальные исламисты редко стремятся к перестройке всего мира в соответствии с некими исламскими принципами. Значительно чаще речь идет о перестройке в соответствии с этими принципами тех или иных мусульманских стран.

Приведем и некоторые другие определения исламизма / политического ислама:

– форма инструментализации ислама отдельными лицами, группами и организациями, которые преследуют политические цели, форма, которая "обеспечивает политические реакции на сегодняшние общественные вызовы, представляя образ будущего, основы для которого опираются на реинтерпретацию концепций, позаимствованных из исламских традиций" [Denoeux 2002: 61; см. также Achilov 2016: 253; Achilov, Sen 2017: 608-609];

– "идеологический комплекс убеждений", носители которого полагают, что "у них есть что-то важное, что они должны сказать о том, как политика и общество должны быть упорядочены в современном мусульманском мире" [Fuller 2004: xi].

Необходимо отметить склонность некоторых исследователей к тому, чтобы *называть исламистами только радикалов*, а умеренный исламизм именовать иначе, скажем, "исламским активизмом" (см., например [Царегородцева 2017]). Имеется тенденция сомневаться в существовании умеренного ислама или даже просто отрицать его: "Я утверждаю, что эти 'исламисты', которые действительно приняли правила системы, в которой они участвуют, не должны называться исламистами, потому что у них больше нет желания свергнуть эту систему" [Woltering 2002: 1134][2].

Приведем и более сильную формулировку: "Выражение 'умеренный исламизм' представляет собой оксюморон [сочетание несочетаемого]. Могут быть умеренные мусульмане, но определенно нет умеренных исламистов" [Bisk 2015: 132-133].

По нашему рассуждению, такой подход непродуктивен в двух планах: научном и практическом. Во-первых, исламизм по самому смыслу слова связан с выдвижением на первый план значимости ислама и распространением его принципов на разные сферы жизни, но никак не должен требовать насильственного свержения правящего режима. Во-вторых, есть много случаев перехода умеренных исламистов в радикальные – скажем, часть "Братьев-мусульман" в Египте после июля 2013 г. (см., например [Ketchley 2017]), и на-

[1] *CAIR Welcomes AP Stylebook Revision of 'Islamist'. Council on American-Islamic Relations Press Release*. 2013. Washington, DC: CAIR. URL: https://www.cair.com/cair_welcomes_ap_stylebook_revision_of_islamist (accessed 17.09.2018).

[2] Интересно, что такого подхода придерживаются не только некоторые исламоведы, но и некоторые либеральные мусульмане (см., например [Tibi 2012; 2013]).

оборот, скажем, радикальные исламисты в Иране ныне стали достаточно умеренными, чтобы, например, соблюдать правила демократических выборов [Rajaee 2007]. А такая, казалось бы, без всяких сомнений радикальная исламистская организация, как "Хизбалла", в Ливане участвует в выборах, имеет свое представительство в парламенте и, более того, входит в правительственный блок с христианскими и секулярными партиями[3] (о других случаях перехода радикальных исламистов на умеренные позиции см., например [Bayat 2013; Hossain 2016; Amin 2016]). На наш взгляд, необходим общий термин, обозначающий исламистов *до* и *после* их радикализации или дерадикализации, и лучший термин, чем "исламисты", здесь сложно предложить. Иначе в случае таких трансформаций придется определять принадлежность одной и той же силы к исламизму ситуативно.

Кроме того, несмотря на колоссальные различия в отношении к террору, участию в политической жизни и т.п., исламистов объединяют некие общие идеологические подходы. Но, с другой стороны, не только эти подходы очень размыты, однако и исламисты значительно различаются по тому, какой реализации этих подходов они ожидают, относясь к ним как к некоей атрибутике или более серьезно [Kelsay 2007: 166]. Многие умеренные исламисты, в том числе среди мусульманской интеллигенции, по сути, разделяют идею, выраженную марокканским социологом Абдаллой Ларуи. Современный исламизм в глазах арабского интеллигента, как он считает, не предполагает возврата в прошлое как таковое, а обращение к традиции – это лишь маска, которую надевает на себя современность в условиях кризиса глобальных идеологий, это универсальная идеология преобразования действительности (цит. по: [Левин 2014: 18]).

Вот почему неправильно и пытаться считать умеренных исламистов не исламистами, а кем-то другим, и смешивать радикалов и умеренных (см. анализ таких попыток редуцировать понятия исламизма и исламистов только до крайне радикальных течений или вовсе отказаться от термина в книге Бассама Тиби "Исламизм и ислам" [Tibi 2012; 2013]). Более продуктивным представляется признать *наличие наряду с радикальным исламизмом исламизма умеренного*[4] (подробное обоснование этого подхода см. [Kurzman 1998; Denoeux 2002; Ayoob 2009; Schwedler 2011; March 2015; Achilov 2015; 2016; Achilov, Sen 2017]).

В целом, если суммировать разные подходы к определению исламизма, пытаться учесть разные течения в нем, можно было бы сказать, что **исламизм** – *это политическое направление и идеология, широко распространенные в мусульманских, особенно арабских, странах. Исламизм основывается на идеях превосходства (или просто высокой ценности) ислама и его правил и традиций, на необходимости строить жизнь на исполнении (в том или ином объеме) тем или иным образом понимаемых принципов ислама, на том, чтобы, сообразуясь с современными реалиями*[5]*, полити-*

[3] Этому, впрочем, в заметной степени способствовала консоциальная демократическая система данной страны. Подробнее о парламентской деятельности "Хизболлы" в Ливане (см., например [Хайруллин 2019: 145-156]).

[4] Кстати говоря, многие из самих умеренных исламистов предпочитают называть свою версию исламизма не "умеренным исламизмом", а "*постисламизмом*" (см., например [Bayat 2007; 2013; Hossain 2016; Amin 2016]). Отметим, что мы сами все-таки склонны рассматривать постисламизм в качестве разновидности умеренного исламизма, а не как нечто, качественно отличное от него. Примечательно, что и такой видный представитель постисламизма, как бангладешец Аханд Ахтар Хоссайн, склонен рассматривать постисламизм как понятие, омонимичное понятию "мягкая версия исламизма" (*a softer version of Islamism*) [Hossain 2016: 214].

[5] Как мы увидим ниже, исламистам это не всегда удается.

чески объединяться вокруг людей, ставящих те или иные исламские (или рассматриваемые в качестве исламских) идеи и принципы во главу угла в политической жизни.

Но при этом не следует забывать, что "политический ислам отнюдь не монолитное явление, а сложное многоаспектное понятие, включающее исламские политические взгляды, которые могут коренным образом различаться в разных странах" [Achilov, Sen 2017: 609; см. также Ланда, Саватеев 2015; Ayoob 2009; Denoeux 2002; Schwedler 2011].

ИСЛАМИЗМ КАК ОППОЗИЦИОННОЕ ТЕЧЕНИЕ И КАК ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Исламизм в оппозиции. Борьба между исламизмом и светскими режимами

Исламизм как оппозиционное течение. Как отмечал С. Хантингтон, в исламских странах "исламизм стал функциональной заменой демократической оппозиции авторитаризму в христианских странах" [Хантингтон 2003: 169]. В 1980-е и 1990-е годы исламистские движения преобладали среди оппозиционных движений в мусульманских странах и часто монополизировали их. Их сила была отчасти следствием слабости альтернативных источников оппозиции [там же: 169-170]. Нахождение в оппозиции позволяло использовать недовольство населения в целях укрепления собственного авторитета. Однако после прихода к власти исламистов привлекательность их пропаганды нередко начинает ослабевать. Последние события в Египте и Тунисе, когда исламисты пришли к власти относительно легко и мирно, но власть удержать не смогли, доказывают этот тезис. Доктрины исламистов, требующие соблюдения норм шариата и жизни по священным книгам, могут приходить в жесткое противоречие с реалиями современной жизни, при их претворении в практику наносят большой ущерб экономике, в первую очередь туристической отрасли и т.д. Примером здесь являются афганские исламисты. Они возглавляли вооруженную борьбу с внешними силами, поэтому доктрина джихада, борьбы с неверными, стояла во главе угла. Впрочем, реально никто не ожидал каких-то экономических и социальных успехов от "Талибана".

С. Хантингтон также писал, что в середине 1990-х годов центральным вопросом становится следующий: "...кто или что придет на смену, по выражению Клемента Генри Мура, 'бункерным режимам' – репрессивным, коррумпированным, оторванным от нужд и чаяний своего народа... Почти во всех странах середины 1990-х наиболее вероятный преемник – режим исламистского толка" [там же: 169].

Исследователь угадал только в малой части. Во-первых, крах наступил лишь через 15 лет, к тому же в некоторых случаях (как в Ливии) ему активно способствовал союз стран Залива и Запада. Во-вторых, приход "преемника" – исламистских сил – оказался очень кратковременным и в Египте, и в Тунисе (превратившись в междоусобицу в Ливии). Исламистские режимы тем более не могли прийти к власти в других странах (мы не учитываем в данном случае запрещенную в России ИГИЛ). Это дополнительно показывает, что исламизм наиболее адекватен как оппозиционное движение – даже там, где он побеждает (как в Иране), он через некоторое время так или иначе начинает разделять религиозную и светскую власти.

Сделаем вывод: исламизм особенно силен либо как оппозиционное массовое движение, либо как умеренный исламизм, проводящий разумную политику,

адаптированную к современным условиям, либо как тоталитарное движение революционного типа, требующее полного переустройства общества (как это было в первый период после исламской революции или есть сегодня на территории, контролируемой ИГИЛ)[6]. Хотя последнее представляло собой государство, по уровню организации соответствующее типу архаического (или раннего) государства, тем не менее определенный уровень систематической администрации государственного типа там был. В частности, выделялись провинции, действовала полиция, были систематически организованы здравоохранение и образование[7].

Умеренному исламизму в некоторых исламских обществах сложнее проявлять себя у власти, начинаются его колебания, угроза раскола, попытки радикализации и прочего, что может вести к политическому поражению; это мы и наблюдали в Египте и Тунисе в последние несколько лет. Впрочем, в других обществах умеренные исламисты продемонстрировали и значительные успехи в адаптации исламских принципов к современной реальности.

Борьба между исламистами и светскими режимами. Хотя на заре формирования исламизма "были периоды, когда светские и исламистские мыслители совместно разрабатывали формы секуляризма, которые учитывали бы важнейшее значение ислама для разных культур всего Ближнего Востока, а также формы исламизма, которые бы ограничивали присутствие религии в публичной сфере" [Osman 2016: x], сегодня в целом это не так. Размежевание между светским направлением и исламизмом очень сильно. Правда, в ряде стран, где так или иначе действуют демократические процедуры и умеренные исламисты участвуют в политической жизни, поле для сотрудничества между светскими и исламистскими партиями весьма велико. Можно говорить о постоянной то затухающей, то усиливающейся борьбе между светскими направлениями (в первую очередь это национализм, этатизм, секуляризм) и исламизмом. Вполне понятно, почему, будучи оппозиционным и популярным течением, а также имея тенденцию к радикализации в условиях ухудшения ситуации или обострения международного положения, исламизм не может не вызывать тревоги у автократов, правящих режимов и элиты. По этой причине, а также потому, что исламисты принижают ценность государства и патриотизма, а радикальные исламисты постоянно "раскачивают" ситуацию, между правительствами и исламистами идет борьба, временами обостряясь до предела. И даже такие вполне ортодоксальные правительства, как администрация КСА, активно стремятся уменьшить влияние "Братьев-мусульман" и других низовых исламистских организаций. Не менее важно, что в случае противостояния официального саудовского исламизма и неофициального исламизма саудовских "Братьев-мусульман" речь идет о конфронтации разных течений внутри исламизма (а противостояние внутри одной идеологии может даже превосходить по накалу межрелигиозное – вспомним жесточайший конфликт внутри ленинизма между сталинистами и троцкистами в СССР или между маоистами и советскими коммунистами).

[6] Стоит упомянуть и палестинские исламистские организации, также возникшие как мобилизационные, в особых условиях вынужденной эмиграции и проживания в лагерях. Приход их к власти в Палестинской автономии – результат усилий мирового сообщества, в общем-то, особый случай. Кроме того, движение палестинцев не только исламистское, но и националистическое (соответственно ФАТХ ближе к светскому националистическому движению, а ХАМАС – к исламистскому).

[7] Быстрицкий А. Мрак по расчету. – *Коммерсантъ*. 07.08.2016. URL: https://www.kommersant.ru/doc/2911651 (accessed 17.09.2018).

Борьба между светским государством и исламизмом шла с самого начала. В арабских странах светские режимы активно, иногда беспощадно боролись со стремлением исламистов прийти к власти (мирным или военным путем), и хотя борьба шла с переменным успехом, в целом победа оставалась за светскими режимами. Самый яркий пример – ожесточенная борьба в Алжире в 1990-х – начале 2000-х годов (см. [Васецова 2017; Долгов 2015]).

Военный переворот в Египте в 2013 г. также показал, что светские (военно-полицейские) режимы находят в себе силы, чтобы оттеснить исламистов от власти. Борьбу с радикальными (но и умеренными) исламистскими группировками ведет и правительство Сирии.

Интересный пример эволюции соотношения светской власти и исламистских тенденций можно наблюдать в Ираке. В 2005 г. там была принята новая конституция, которая стала результатом компромисса между воздействием американской администрации и позицией местных правоведов. В частности, ст. 2.1 конституции гласит: "Ислам – официальная религия государства; он является основным источником законодательства". Странный симбиоз являют пп. 1A–1C ст 2. конституции. Пункт 1A ст. 2 утверждает: "Не разрешается принятие закона, который противоречит принципиальным установлениям ислама". В то же время в пункте 1B записано: "Не разрешается принятие закона, который противоречит принципам демократии". Наконец, в пункте 1C сказано: "Не разрешается принятие закона, который нарушает права и основные свободы, декларируемые настоящей Конституцией" (см. подробнее [Хайруллин, Коротаев 2017b]). Таким образом, очевидна внутренняя сила исламизма, которую сложно сломить даже оккупационной администрации.

Уместно будет сказать, что в прочных светских, хотя и авторитарных режимах на такие уступки обычно не идут. В частности, в соседней Сирии в конституции 1973 и 2012 гг. шариату и исламу не было отведено никакого существенного места. То же касается и Йемена, где в конституции 1991 г. (принятой в период правления Али Абдаллы Салеха, но под влиянием более секуляризированных южан) шариату и исламу было отведено достаточно скромное место по сравнению с предыдущей конституцией Северного Йемена [см. Хайруллин, Коротаев 2017a].

Нельзя, конечно, не упомянуть и крупный (хотя, похоже, временный) успех радикальных исламистов в "Исламском государстве" в Сирии и Ираке в 2014 г. Но это абсолютно тоталитарный и крайний исламистский режим, который, возможно, нанес идеям исламизма огромный ущерб, подходы которого отвергаются большинством мусульман. С одной стороны, это был шумный (правда, временный) успех ультрарадикального ислама, но с другой – он вызвал активизацию вооруженной борьбы с ним со стороны правительств Ирака, Сирии, светских сил Курдистана, а также ряда внешних акторов (прежде всего России, Ирана и США).

Исламизм в роли государственной идеологии

Монархизм и исламизм. Есть режимы (монархические), в которых, по определению С. Хантингтона, попытались установить некую форму исламской законности. Он, в частности, говорил о Саудовской Аравии и Марокко [Хантингтон 2003: 168-169], но назвать их исламистскими можно только с определенными оговорками. О Марокко, по нашему мнению, нельзя говорить как об исламистском режиме, это страна, где умеренные исламисты присутствуют как политическая сила и участвуют в выборах. Крайне важно учитывать, что

это легитимные режимы, при этом их легитимность проистекает от самой идеи монаршей власти, санкционированной Аллахом и в одном случае освященной принадлежностью королевской династии Марокко к роду Мухаммада [Орлов 2015], а в случае Саудов – к роду сподвижника религиозного реформатора и основателя ваххабистского движения, заложившего основы современной саудовской исламистской идеологии [Васильев 1967] (власть саудовских королей, к тому же, освящается и их статусом "хранителей двух святынь"). Дополнительных оснований легитимности своей власти таким режимам не нужно, поэтому они не любят несистемных исламистов снизу не меньше светских авторитарных режимов. Тем не менее саудовский режим все-таки имеет смысл назвать исламистским хотя бы потому, что он является главным государственным спонсором распространения исламизма (в его салафитской форме) в современном мире. Этот процесс особенно активно пошел с 1970-х годов, не случайно совпав с ростом богатства Саудитов, целью которых было установление ислама в качестве ведущей силы в арабском регионе [Kepel 1987: 10-11].

Отметим, что умеренный исламизм существует, по сути, и в других странах Залива. Однако Катар, где собственный исламистский режим вполне умеренный, в геополитических целях поддерживает исламистов, в том числе и радикальных, в других странах. Современный саудовско-катарский конфликт оказался во многом столкновением этих версий государственного исламизма (интересно, что обе стороны обвиняли друг друга в "поддержке терроризма", т.е. по сути, радикального исламизма).

Что касается Марокко, то в связи с наличием демократических процедур марокканский король вынужден временами привлекать исламистов к управлению, но основной легитимностью, подчеркнем, все-таки обладает именно королевская власть. В Марокко по конституции (2011 г.) король является духовным главой мусульман этой страны, а также символом единства нации, что укрепляет легитимность его власти в отношении мусульман. Традиции государственности и монархизма в Марокко сильнее, чем во многих других странах Ближнего Востока. Королевская власть наследуется по прямой мужской линии в роду Алауитов (правят с 30-х годов XVII в.), являющихся потомками пророка Мухаммада. Все это служит дополнительными факторами, удерживающими общество от дестабилизации. Исламизм в Марокко не получил развития в радикально-экстремистской форме. Среди верующих мусульман здесь всегда был высок авторитет монарха, считающегося прямым потомком пророка Мухаммада и обладающего титулом *Амир ал-Му'минин* (Повелитель правоверных) [Ланда, Саватеев 2015: 162; Орлов 2015].

Исламизм как победившая идеология. Исламизм нечасто становится официальной государственной идеологией в явном виде, хотя несколько случаев имеются. Исламизм как идеология победил в Пакистане, что и было провозглашено при создании этого государства. Исламизм продолжал играть важную роль и после обретения независимости (особенно для мобилизации населения против Индии, а также помощи афганским моджахедам). В частности, за время правления М. Зия-уль-Хака многочисленное сословие богословов существенно улучшило свое положение [Чекризова 2013: 110]. Но исламизм здесь носил традиционно государственный характер. Однако в настоящее время он уже не имеет такого значения в жизни этой страны, как раньше, хотя, по-видимому, интегрировался в политическую жизнь как один из ее

существенных элементов[8]. В некоторой степени он трансформировался в постисламизм (о постисламизме см. [Grinin et al. 2018: 3.6.3]). Радикальный исламизм в Пакистане носит очаговый и дискретный характер.

Что касается победы исламизма в Иране, то позволим себе высказать следующие идеи. Хотя в Иране победила исламская революция, в стране был иной исламизм, чем в суннитских и особенно арабских странах: в Иране он был тесно связан с национализмом и почти эквивалентен последнему, в арабских странах – враждебен ему. Вот почему исламских революций в арабских странах не случилось (хотя аятолла Хомейни активно стремился к этому), там исламизм не мог опереться на нацию. Стоит еще иметь в виду важное различие, о котором пишет А.М. Васильев: в Иране шиитское духовенство исторически находилось в оппозиции к светской власти, считая ее незаконной, а в суннитских странах большая часть духовенства является частью государственного аппарата [Васильев 2017: 42]. Главное же, что в Иране победил шиитский исламизм, поэтому Хомейни реально пытался распространить его только на мусульманские страны с заметным шиитским населением (прежде всего на Ирак). На суннитов же, составляющих около 90% от всех мусульман мира[9], иранская исламская шиитская революция не могла распространиться практически по определению – в силу именно ее выраженного шиитского характера.

Исламисты добились успеха и в Судане. Впрочем, следует иметь в виду два момента. Во-первых, исламизм лежал у самых истоков современной суданской государственности в период махдистского национально-освободительного восстания (1881-1898 гг.). В эти годы суданцы впервые сами создали и поддерживали свое государство. Оно было названо Махдией и представляло собой "теократическое государство джихада", первоначально управляемое как военный лагерь [Серегичев 2015: 368]. Редко какие государства в Новое время возникали таким образом. С учетом наличия у суданцев такого опыта построения государственности опора на исламизм была вполне естественным вариантом.

Во-вторых, в период образования современного Судана в 1950-е годы огромное влияние на укрепление исламизма в стране оказали египетские "Братья-мусульмане", создавшие в Судане (который в первой половине XX в. был тесно интегрирован с Египтом) весьма сильную организацию БМ, в итоге добившуюся власти [там же: 370]. В Судане особенно наглядно проявились две альтернативы политического развития развивающихся стран и колебания страны между ними – военная диктатура и политический исламизм. Приход к власти исламистов в конце 1980-х годов осуществился благодаря союзу военных и исламистов [там же: 383; Fuller 2004: 108]. Период 1994-1996 гг. можно назвать временем наивысшего расцвета влияния исламистов и лично Хасана ат-Тураби на все процессы, протекавшие в стране [Серегичев 2015: 390]. Исламистский проект был изменен в 2000 г. в связи с усилением борьбы между военными и исламистами, в результате чего так называемая Исламо-арабская народная конференция (ИАНК) была закрыта, а лидер исламистов ат-Тураби был уволен с поста генерального секретаря НКС [там же: 393-394]. Однако в целом исламизм, исламистский фундаментализм, но в умеренной версии, является надежной опорой для правящего в Хартуме

[8] Однако имеется исламский Совет, один из совещательных органов при правительстве Пакистана (выносит решения о соответствии норм и законов исламскому вероучению) [Чекризова 2013].

[9] Pew Research Center. *Future of the Global Muslim Population*. Washington, DC: Pews Research Center. 2011. URL: http://www.pewforum.org/2011/01/27/future-of-the-global-muslim-population-sunni-and-shia (accessed 17.09.2018).

режима. Он в основном стабилизирует ситуацию в стране и устраивает большинство жителей Судана [там же: 397]. Некоторые исследователи считают, что консолидирующая роль суданского исламо-фундаментализма еще долгие годы будет выступать одним из ключевых факторов поддержания внутриполитической стабильности Республики Судан [там же].

Умеренный исламизм во власти. Иран (и тем более Судан) не самые показательные случаи, так как "заимствовать" такой успех сложно. Более интересны и важны примеры, когда умеренные исламистские партии вписываются в политический ландшафт конкретных государств и институализируются. Именно такой путь наиболее перспективен и наиболее приемлем для всех, включая западные страны. Это касается и Ирана, в котором радикальный исламизм Хомейни (существенно подорвавший экономику страны) достаточно быстро перерос в умеренный исламизм/постисламизм его преемников, сумевших добиться значительных успехов в стабилизации развития страны и, что важно, на поле исламизма создать достаточно прочную и эффективную демократическую систему.

В ряде случаев умеренные исламисты продемонстрировали и значительные успехи в адаптации исламских принципов к современной реальности. Есть примеры, когда они, оказавшись у власти, проводят достаточно взвешенную и эффективную политику (Турция, Марокко, Малайзия). Есть также несколько стран, в которых исламистские партии периодически приходят к власти самостоятельно либо в коалиции, как в Малайзии или Ливане. Это возможно потому, что они так или иначе интегрировались в политическую систему, признают правила игры и соответствующую внешнеполитическую ситуацию. Стоит также добавить, что в этих странах есть определенные противовесы исламизму. Так, в Малайзии сильны национализм и националистические партии, в Марокко стабилизационным фактором выступает королевская власть. В Турции существует подвижное равновесие между светским и исламистским течениями. Можно согласиться с тем, что Турция, даже несмотря на последние события, связанные с усилением политических репрессий, все-таки представляет собой в определенной степени образец для всего остального Ближнего Востока и в целом исламского мира в плане сосуществования ислама, секуляризма и демократии [Fuller 2004][10].

Заключение

Исламизм многогранен, охватывает множество сфер жизни, в этом смысле он тотален (и даже тоталитарен в плане жесткости некоторых предписаний), а также многолик. Вот почему исламизм нельзя искоренить на современном этапе, его можно только перерасти [Bayat 2007; 2013; Hossain 2016; Amin 2016; Holdo 2017][11]. А для этого требуется длительное время. Можно согласиться с тем, что исламизм, вне зависимости от того, как его определять и какие движения, партии и группы с ним аффилированы, останется политическим актором на национальном, региональном и глобальном уровнях на протяжении еще не одного поколения [Малашенко 2015: 122].

[10] См. также: Kirisci K. The Rise and Fall of Turkey as a Model for the Arab World. – *Brookings Institute*. 15.08.2013. URL: http://www.brookings.edu/research/opinions/2013/08/15-rise-and-fall-turkey-model-middle-east (accessed 17.09.2018).

[11] Как нельзя было отменить влияние протестантских доктрин в большинстве общин колонистов в Северной Америке в XVII–XVIII вв., которые жили согласно нормам христианского фундаментализма. А затем процесс снижения влияния этих норм пошел вполне спонтанно, самопроизвольно.

Сказанное выше о жесткой борьбе светских режимов и исламистов, а также об успехах в ряде стран умеренных исламистов на политическом конституционном поле позволяет нам сделать вывод, что *только привлечение к политической работе умеренных исламистов, готовых соблюдать конституцию и работать легально, способствует ослаблению радикального исламизма и в итоге дает возможность исламским обществам развиваться с меньшими потрясениями*. Попытки же вытеснить исламистов ведут к постоянной конфронтации. Опыт мусульманского мира, по крайней мере с начала 2000-х годов, демонстрирует провал крайнего секуляризма в таких странах, как Египет, Ирак, Иран, Тунис и Турция. Напротив, Индонезия и Малайзия являются позитивным примером вклада, который ислам может внести во внутригосударственные дела в рамках демократического строя, объединяющего различные религиозные, культурные и этнические идентичности [Weiss 2010; Rahim 2011; Hossain 2016; Ugur 2017].

Можно сделать вывод, что умеренный исламизм способен стать позитивной и перспективной частью политического спектра исламских стран. Но любой радикализм, а также отказ признавать верховенство государства и закона, ведет к тому, что в подобной ситуации и в такой окраске исламизм оказывается в более благоприятных условиях в оппозиции. Это сложный путь, в котором главный курс, обещающий успех для всего мира, – разделить умеренных (и легитимных) исламистов и радикалов.

Уменьшить опасность радикального, террористического исламизма одной только силовой борьбой с ним невозможно. Можно надеяться, что он пойдет на убыль в случае, если удастся соединить его с умеренным исламизмом и сделать последний более респектабельным, открытым, вовлеченным в нормальную политическую жизнь.

DOI: 10.17976/jpps/2019.06.07

POLITICAL ASPECTS OF CONTEMPORARY ISLAMISM

L.I. Grinin[1,2], A.V. Korotaev[1,3]

[1]*National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia*

[2]*Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

[3]*Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia*

GRININ, Leonid Efimovich, Dr. Sci. (Philos.), Leading Researcher of the Laboratory for Destabilization Risk Monitoring, National Research University Higher School of Economics; Principal Researcher, Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, email: leonid.grinin@gmail.com; **KOROTAEV, Andrei Vital'evich**, Ph.D., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Head of Socio-Political Destabilization Risk Monitoring Laboratory, National Research University Higher School of Economics; Professor, Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University, email: akorotayev@gmail.com

Grinin L.E., Korotaev A.V. Political Aspects of Contemporary Islamism. – Polis. Political Studies. 2019. No. 6. P. 81-94. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.07

Acknowledgements. The study has been supported by a grant of the Russian Science Foundation (project No. 14-18-03615).

Received: 30.10.2018. Accepted: 08.04.2019

Abstract. It is impossible to understand modern Islamic (especially Arab) societies without taking into account the influence of Islamism as an ideology, cultural environment, mode of action, and lifestyle. Unfortunately, Islamism in many ways has remained a "phenomenon lurking behind the surface." In this article we will focus on the analysis of some political aspects of modern Islamism, showing how Islamism behaves when in opposition (where it feels more confident) and what happens when Islamists come to power in a legitimate way. We would like to show that Islamism is not something superficial, but the deepest and most comprehensive substance of Islamic societies. Therefore, it is extremely important to distinguish between radical and moderate

substance of Islamic societies. Therefore, it is extremely important to distinguish between radical and moderate Islamism, relying on the latter to weaken the former, since moderate Islamism can grow to be a positive and promising part of the political spectrum of Islamic countries. We believe that it is impossible to reduce the danger of radical terrorist Islamism by force alone. We can hope that this will decline if it can be divided by moderate Islamism and make the latter more respectable, open, and involved in normal political life.

Keywords: Islamism, radical Islamism, moderate Islamism, fundamentalism, the Middle East, Islamic societies, politicized Islam.

References

Achilov D. 2015. When Actions Speak Louder Than Words: Examining Collective Political Protests in Central Asia. – *Democratization*. Vol. 23. No. 4. P. 699-722. https://doi.org/10.1080/13510347.2015.1012504

Achilov D. 2016. Revisiting Political Islam: Explaining the Nexus between Political Islam and Contentious Politics in the Arab World. – *Social Science Quarterly*. Vol. 97. No. 2. P. 252-270. https://doi.org/10.1111/ssqu.12232

Achilov D., Sen S. 2017. Got Political Islam? Are Politically Moderate Muslims Really Different from Radicals? – *International Political Science Review*. Vol. 38. No. 5. P. 608-624. https://doi.org/10.1177/0192512116641940

Amin H. 2016. *Post Islamism: Pakistan in the Era of Neoliberal Globalization*. Islamabad: International Islamic University.

Ayoob M. 2009. *The Many Faces of Political Islam: Religion and Politics in the Muslim World*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.

Bayat A. 2007. *Islam and Democracy: What is the Real Question?* ISIM Paper 8. Leiden: Amsterdam University Press.

Bayat A. 2013. *Post-Islamism: the Changing Face of Political Islam*. New York, NY: Oxford University Press.

Bisk T. 2015. The War on Islamism. – *Lone Actors – An Emerging Security Threat*. Ed. by A. Richman, Y. Sharan. Amsterdam: IOS Press. P. 132-145.

Denoeux G. 2002. The Forgotten Swamp: Navigating Political Islam. – *Middle East Policy*. Vol. 9. No. 2. P. 56-81. https://doi.org/10.1111/1475-4967.00057

Fuller G.E. 2004. *The Future of Political Islam*. New York, NY: Macmillan.

Goldstone J.A. 2001. Toward a Fourth Generation of Revolutionary Theory. *Annual Review of Political Science*. Vol. 4. P. 139-187. https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.4.1.139

Goldstone J.A. 2011. Understanding the Revolutions of 2011. – *Foreign Affairs*. Vol. 90. No. 3. P. 8-16.

Holdo M. 2017. Post-Islamism and Fields of Contention after the Arab Spring: Feminism, Salafism and the Revolutionary Youth. – *Third World Quarterly*. Vol. 38. No. 8. P. 1800-1815. https://doi.org/10.1080/01436597.2016.1233492

Hossain A.A. 2016. Islamism, Secularism and Post-Islamism: the Muslim World and the Case of Bangladesh. – *Asian Journal of Political Science*. Vol. 24. No. 2. P. 214-236. https://doi.org/10.1080/02185377.2016.1185954

Kelsay J. 2007. *Arguing the Just War in Islam*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Kepel G. 1987. *Les banlieues de l'Islam: naissance d'une religion en France*. Seuil; Paris.

Kepel G. 2000. *Jihad. Expansion et de´clin de l'islamisme*. Paris: Gallimard.

Ketchley N. 2017. *Egypt in a Time of Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press.

Kurzman C. 1998. *Liberal Islam: A Source Book*. New York, NY: Oxford University Press.

March A.F. 2015. Political Islam: Theory. *Annual Review of Political Science*. No. 18. P. 103-123.

Osman T. 2016. *Islamism: What it Means for the Middle East and the World*. New Haven, CT: Yale University Press.

Poljarevic E. 2015. Islamism. – *The Oxford Encyclopedia of Islam and Politics*. Ed. by E. El-Din Shahin. Oxford: Oxford Islamic Studies.

Rahim L.Z. 2011. *Towards a Post-Islamist Secular Democracy in the Muslim World*. Paper Presented at the Contemporary Challenges of Politics Research Workshop, Crowne Plaza Hotel, Coogee Beach, NSW, Australia, 31 October.

Rajaee F. 2007. *Islamism and Modernism: the Changing Discourse in Iran*. Austin: University of Texas Press.

Sanderson S.K. 2010. *Revolutions. A Worldwide Introduction to Social and Political Contention*. 2nd ed. London: Routledge.

Schwedler J. 2011. Can Islamists Become Moderates? Rethinking the Inclusion-Moderation Hypothesis. – *World Politics*. Vol. 63. No. 2. P. 347-376. https://doi.org/10.1017/S0043887111000050

Tibi B. 2012. *Islamism and Islam*. New Haven, CT; London: Yale University Press.

Tibi B. 2013. The Islamist Venture of the Politicization of Islam to an Ideology of Islamism: A Critique of the Dominating Narrative in Western Islamic Studies. – *Soundings: An Interdisciplinary Journal*. Vol. 96. No. 4. P. 431-449.

Tilly C. 1978. *From Mobilization to Revolution*. New York: McCraw-Hill.

Ugur E. 2017. Islamists and the Politics of Democratization: Evidence from Turkey. – *Contemporary Islam*. Vol. 11. No. 2. P. 137-155. https://doi.org/10.1007/s11562-017-0380-z

Volpi F., Stein E. 2015. Islamism and the State after the Arab Uprisings: Between People Power and State Power. – *Democratization*. Vol. 22. No. 2. P. 276-293. https://doi.org/10.1080/13510347.2015.1010811

Weiss M. 2010. Southeast Asia's Muslim Majority Democracies: Elections and Islamism Outside the MENA Region. – *Taiwan Journal of Democracy*. Vol. 6. No. 1. P. 81-106.

Woltering R.A.F.L. 2002. The Roots of Islamist Popularity. – *Third World Quarterly*. Vol. 23. No. 6. P. 1133-1143. https://doi.org/10.1080/0143659022000036612

Chekrizova O.P. 2013. Trends in Evolution of Pakistan's Islamism. – *MGIMO Review of International Relations*. Vol. 5. No. 32. P. 108-117. (In Russ.)

Dolgov B.V. 2015. Radikal'nyi islamizm v Alzhire [Radical Islamism in Algeria]. – *Islamskie radikal'nye dvizheniya na politicheskoi karte sovremennogo mira. Strany Severnoi i Severo-Vostochnoi Afriki*. Pod red. A.D. Savateeva, E.F. Kisrieva [Islamic Radical Movements on the Political Map of the Modern World. Countries of North and North-East Africa. Ed. by A.D. Savateev, E.F. Kisriev]. Moscow: Lenand. P. 229-259. (In Russ.)

Grinin L.Ye. 2017. The Russian Revolution and Modernization Traps. – *Polis. Political Studies*. No. 4. P. 138-155. (In Russ.). https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.10

Huntington S.P. 1996. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order (Russ. ed.: Huntington S.P. *Stolknovenie tsivilizatsii*. Moscow: AST).

Ignatenko A. 2004. *Islam i politika* [Islam and Politics]. Moscow: Institut religii i politiki. (In Russ.)

Khairullin T.R. 2018. Islamistskie proekty kak instrument bor'by za liderstvo v arabskom regione: dis. ... kand. polit. Nauk [Islamic Projects as a Tool for the Struggle for Leadership in the Arab Region. Ph.D. Thesis (Pol. Sci.)]. Moscow: Institut Afriki RAN. (In Russ.)

Khairullin T.R., Korotaev A.V. 2017a. Islam and the Yemeni Constitutions: Experience of Comparative Analysis. – *Asia and Africa Today*. No. 5. P. 43-48. (In Russ.)

Khairullin T.R., Korotaev A.V. 2017b. The Iraqi Constitution of 2005 and the Principles of Islam. – *Islam in the Modern World*. Vol. 13. No. 2. P. 139-152. (In Russ.) https://doi.org/10.22311/2074-1529-2017-13-2-139-152

Landa R.G., Savateev A.D. 2015. Politicheskii islam v stranakh Severnoi Afriki [Political Islam in North Africa]. – *Islamskie radikal'nye dvizheniya na politicheskoi karte sovremennogo mira. Vyp. 1. Strany Severnoi i Severo-Vostochnoi Afriki*. Otv. red. A.D. Savateev, E.F. Kisriev [Islamic Radical Movements on the Political Map of the Modern World. Vol. 1. Countries of North and North-East Africa. Ed. by A.D. Savateev, E.F. Kisriev]. Moscow: Lenand. P. 126-180. (In Russ.)

Levin Z.I. 2014. *Ocherki prirody islamizma* [Essays on the Nature of Islamizm]. Moscow: IV RAN. (In Russ.)

Malashenko A.V. 2015. Islamizm kak dolgosrochnyi faktor global'noi politiki [Islamism as a Long-Term Factor in Global Politics]. – *Islamskie radikal'nye dvizheniya na politicheskoi karte sovremennogo mira. T. 1. Strany Severnoi i Severo-Vostochnoi Afriki*. Otv. red. A.D. Savateev, E.F. Kisriev [Islamic Radical Movements on the Political Map of the Modern World. Vol. 1. Countries of North and North-East Africa. Ed. by A.D. Savateev, E.F. Kisriev]. Moscow: Lenand. P. 97-126. (In Russ.)

Mirskii G.I. 2015. Radikal'nyi islamizm: ideino-politicheskaya motivatsiya i vliyanie na mirovoe musul'manskoe soobshchestvo [Radical Islamism: Ideological and Political Motivation and Influence on the World Muslim Community]. – *Doklad Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba "Valdai"* [Report of the Valdai International Discussion Club]. (In Russ.)

Orlov V.V. 2015. Marokko: sherifskaya monarkhiya kak opponent radikalizma [Morocco: Sheriff Monarchy as an Opponent of Radicalism]. – *Islamskie radikal'nye dvizheniya na politicheskoi karte sovremennogo mira. T. 1. Strany Severnoi i Severo-Vostochnoi Afriki*. Otv. red. A.D. Savateev, E.F. Kisriev [Islamic Radical Movements on the Political Map of the Modern World. Vol. 1. Countries of North and North-East Africa. Ed. by A.D. Savateev, E.F. Kisriev]. Moscow: Lenand. P. 285-324. (In Russ.)

Seregichev S.Yu. 2015. Politicheskii islam v Sudane: istoriya, idei, praktika [Political Islam in Sudan: History, Ideas, Practice]. – *Islamskie radikal'nye dvizheniya na politicheskoi karte sovremennogo mira. T. 1. Strany Severnoi i Severo-Vostochnoi Afriki*. Otv. red. A.D. Savateev, E.F. Kisriev [Islamic Radical Movements on the Political Map of the Modern World. Vol. 1. Countries of North and North-East Africa. Ed. by A.D. Savateev, E.F. Kisriev]. Moscow: Lenand. P. 367-404. (In Russ.)

Tsaregorodtseva I.A. 2017. Islamskii aktivizm: osnovnye etapy razvitiya ideologii. – *Islamskie radikal'nye dvizheniya na politicheskoi karte mira. Vyp. 2. Severnyi i Yuzhnyi Kavkaz*. Pod red. A.D. Savateeva, N.A. Neflyashevoi, E.F. Kisrieva [Islamic Radical Movements on the Political Map of the World. Vol. 2. North and South Caucasus. Ed. by A.D. Savateev, N.A. Neflyasheva, E.F. Kisriev]. Moscow: Institut Afriki RAN. P. 93-111. (In Russ.)

Vasetsova E.S. 2017. Algeria in the Context of Regional Security in the Middle East. – *Age of Globalization. Journal of Global Studies*. No. 4. P. 82–91. (In Russ.)

Vasil'ev A.M. 1967. *Puritane islama? Vakhkhabizm i pervoe gosudarstvo Saudidov v Aravii (1744/45–1818)* [Puritans of Islam? Wahhabism and the First Saudi State in Arabia (1744/45–1818)]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Vasil'ev A.M. 2017. Islamskii ekstremizm: opasnosti real'nye i mnimye [Islamic Extremism: Real and Imaginary Dangers]. – *Islamskie radikal'nye dvizheniya na politicheskoi karte mira. Vyp. 2. Severnyi i Yuzhnyi Kavkaz*. Pod red. A.D. Savateeva, N.A. Neflyashevoi, E.F. Kisrieva [Islamic Radical Movements on the Political Map of the World. Vol. 2. North and South Caucasus. Ed. by A.D. Savateev, N.A. Neflyasheva, E.F. Kisriev]. Moscow: Institut Afriki RAN. P. 33-54. (In Russ.)

Литература на русском языке

Васецова Е.С. 2017. Алжир в контексте региональной безопасности на Ближнем Востоке. – *Век глобализации*. № 4. С. 82-91.

Васильев А.М. 1967. *Пуритане ислама? Ваххабизм и первое государство Саудитов в Аравии (1744/45–1818)*. М.: Наука.

Васильев А.М. 2017. Исламский экстремизм: опасности реальные и мнимые. – *Исламские радикальные движения на политической карте мира. Вып. 2. Северный и Южный Кавказ*. Под ред. А.Д. Саватеева, Н.А. Нефляшевой, Э.Ф. Кисриева. М.: Институт Африки РАН. С. 33-54.

Гринин Л.Е. 2017. Русская революция и ловушки модернизации. – *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 138-155. http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2017.04.10

Долгов Б.В. 2015. Радикальный исламизм в Алжире. – *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Страны Северной и Северо-Восточной Африки*. Под ред. А.Д. Саватеева, Э.Ф. Кисриева. М.: Ленанд. С. 229-259.

Игнатенко А. 2004. *Ислам и политика*. М.: Институт религии и политики.

Ланда Р.Г., Саватеев А.Д. 2015. Политический ислам в странах Северной Африки. – *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Вып. 1. Страны Северной и Северо-Восточной Африки*. Отв. ред. А.Д. Саватеев, Э.Ф. Кисриев. М.: Ленанд. С. 126-180.

Левин З.И. 2014. *Очерки природы исламизма*. М.: ИВ РАН.

Малашенко А.В. 2015. Исламизм как долгосрочный фактор глобальной политики. – *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Т. 1. Страны Северной и Северо-Восточной Африки*. Отв. ред. А.Д. Саватеев, Э.Ф. Кисриев. М.: Ленанд. С. 97-126.

Мирский Г.И. 2015. Радикальный исламизм: идейно-политическая мотивация и влияние на мировое мусульманское сообщество. – *Доклад Международного дискуссионного клуба "Валдай"*.

Орлов В.В. 2015. Марокко: шерифская монархия как оппонент радикализма. – *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Т. 1. Страны Северной и Северо-Восточной Африки*. Отв. ред. А.Д. Саватеев, Э.Ф. Кисриев. М.: Ленанд. С. 285-324.

Серегичев С.Ю. 2015. Политический ислам в Судане: история, идеи, практика. – *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Т. 1. Страны Северной и Северо-Восточной Африки*. Отв. ред. А.Д. Саватеев, Э.Ф. Кисриев. М.: Ленанд. С. 367-404.

Хайруллин Т.Р. 2018. *Исламистские проекты как инструмент борьбы за лидерство в арабском регионе*: дис. ... канд. полит. наук. М.: Институт Африки РАН.

Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. 2017a. Ислам и йеменские конституции: опыт сопоставительного анализа. – *Азия и Африка сегодня*. № 5. С. 43-48.

Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. 2017b. Конституция Ирака 2005 года и принципы ислама. – *Ислам в современном мире*. № 13(2). С. 139-152. https://doi.org/10.22311/2074-1529-2017-13-2-139-152

Хантингтон С. 2003. *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ.

Царегородцева И.А. 2017. Исламский активизм: основные этапы развития идеологии. – *Исламские радикальные движения на политической карте мира*. Вып. 2. *Северный и Южный Кавказ*. Под ред. А.Д. Саватеева, Н.А. Нефляшевой, Э.Ф. Кисриева. М.: Институт Африки РАН. С. 93-111.

Чекризова О.П. 2013. Особенности эволюции исламского радикализма в Пакистане. – *Вестник МГИМО-университета*. Серия *Политология*. № 5 (32). С. 108-117.